

ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЭПОХУ ТОКУГАВА

Александр Федорович ПРАСОЛ,
профессор университета международной культуры
и информатики (г. Ниигата)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Правление дома Токугава в течение двух с половиной веков стало периодом политической стабильности и ускоренного социально-экономического развития. Объединение страны положило конец разрушительным междоусобным войнам предыдущего столетия. Ускорился рост товарного производства и производительности крестьянского труда, начавшийся в XVI в. Более быстрыми темпами стало продвигаться освоение новых пахотных земель, совершенствовались агротехника и орудия труда, росла продуктивность сельского хозяйства. В мирное время начался быстрый рост домашней промышленности и ремесел. Это способствовало распространению товарно-денежных отношений, в городах началось формирование торгового сословия. Среди горожан стала расти потребность в начальной грамоте. Особенно быстро начальное обучение развивалось во второй половине эпохи Токугава.

Длительный мирный период в жизни страны не только активизировал все аспекты гражданского управления, но и поставил вопрос о месте и роли в обществе многочисленного воинского сословия¹. Уже в XVII в. стало ясно, что в мирное время сфера применения сил и знаний воинского сословия резко сократилась. Военное правительство во главе с Токугава понимало, что для удержания власти необходимо прежде всего закрепить сложившийся социальный порядок. Для того чтобы перейти от военных к гражданским методам управления, требовалось внести изменения в систему приоритетов воинской элиты. В эпоху междоусобных войн почти все князья так или иначе изучали начальную грамоту, боевые искусства и военную тактику, но мало кто из них получил классическое образование и владел методами гражданского управления. Большинство полагалось на знания буддийских монахов — их привлекали к составлению документов и призывали в советчики перед тем, как принять важное решение. При выборе даты и места сражения обязательно запрашивали прогноз прорицателей, изучавших китайские гадательные книги.

До 90-х годов XVI в. центрами книгопечатания в Японии были крупные буддийские монастыри. Книги печатали ксилографическим способом: резчики вырезали из твердых пород дуба монолитные клише на одну страницу, с которых затем производилась печать. Производительность была низкой, и книг издавалось мало. Печатали в основном конфуцианскую и буддийскую класси-

ку, а также официальные летописи, хроники императорского дома и т.д. Во время военного похода Тоётоми Хидэёси в Корею японские военачальники и сопровождавшие их буддийские монахи обнаружили множество хорошо изданных корейских книг, отпечатанных наборным шрифтом. Корейцы отливали формы из меди отдельно для каждого иероглифа. Книги, шрифты и печатная техника вместе с корейскими мастерами были переправлены в Японию в качестве военных трофеев.

Первой печатной работой, изданной по новой технологии, стал в 1593 г. китайский трактат для императорского дома². Техническое новшество ускорило прогресс в печатном деле и лишило монастыри их многовековой монополии на издание книг. В 1597 г. для императора отпечатали первую книгу с иллюстрацией на титульном листе (фронтиспис), в которой были собраны высказывания китайских императоров о пользе наук³.

С 1599 по 1606 г. главным издательским цехом страны стал буддийский монастырский комплекс Энкаку. По приказу Токугава Иэясу в него переехал управляющий крупнейшей в стране школы Асикага по имени Санъё: Гэммицу (?—1612) для того, чтобы с использованием деревянного наборного шрифта организовать издание трудов главного идеолога неоконфуцианства Чжу Си. Некоторые его работы были изданы за это время по два и даже по три раза*. Все это время при храме Энкаку работала школа⁴.

Первые десятилетия правления Токугава ознаменовались быстрым ростом количества издаваемой литературы. В первую очередь переиздавались официальные родословные императорского дома, классические китайские трактаты и японский военный эпос, в частности романы *Тайхэйки* и *Хэйкэ моногатари*. Издание персональных книг стало любимым развлечением императорского двора и высшей военной аристократии. Буддийские монастыри также взяли на вооружение новую технологию и стали переиздавать литературу, которая в течение веков хранилась в рукописях. С 1593 по 1625 г. было издано около 500 книг и около 80 % было отпечатано наборным шрифтом, однако впоследствии от него отказались по экономическим соображениям⁵.

Постепенно печатные мастерские вышли за пределы монастырей и стали осваивать городские кварталы крупных городов. Печатание книг стало превращаться в коммерчески выгодное дело, что еще более ускорило прогресс в технике книгоиздания. Первым крупнейшим издательским центром страны стал Киото. В его окрестностях располагалось наибольшее число буддийских монастырей с печатными мастерскими, где были собраны ученые монахи, резчики по дереву и печатники, многие из которых передавали свое ремесло по наследству. В столице страны Эдо издательская деятельность активизировалась чуть позже — в 50-х годах, а в Осака — в начале 70-х годов XVII в. Эти три города снабжали всю страну книгами в течение всего периода Токугава. С 1745 по 1749 г. в Киото было издано 170 наименований новых книг, в Эдо — 218, в Осака — 91. С 1806 по 1814 г. в этих городах вышли в свет 485, 693 и 364 книги соответственно. В середине XVIII в. только в Киото было около сотни мастерских, в которых печатались и продавались книги, а к концу периода их число удвоилось⁶.

До 1650 г. в основном печаталась китайская и буддийская классика, японская классическая литература, административные и законодательные акты. Во второй половине XVII в. возрос спрос на учебные пособия по военному делу, административному законодательству, моральному кодексу, китайскому стихосложению и другим элементам культуры воинского сословия, которые изуча-

* В японской историографии эти книги получили название «издание Энкакудзи», или «издание Суруга» (Энкакудзи-хан, Суруга-хан).

лись в школах для самураев. Однако основную массу печатной продукции по-прежнему составляла буддийская классика. По данным официального «Книжного указателя» (*Сёсэки мокуроку*), составленного в 1685 г., на ее долю приходилось около 40 % всей издававшейся литературы. Конфуцианская классика и китайская поэзия занимали чуть более 10 % каждая, следом шли сборники древней японской поэзии (менее 10 %) и поэзия жанров *рэнга* и *хайку* (6 %)⁷.

Придя к власти, Токугава Иэясу приложил много усилий для развития книгопечатания и распространения конфуцианской философии. С помощью наборного медного шрифта, изготовленного по его приказу, были отпечатаны и в 1621 г. переданы во дворец 93 тома истории императорского дома. В дальнейшем они использовались в качестве официального источника при подготовке публичных лекций в императорской научной резиденции.

Стремление к классическому китайскому образованию и науке было одним из глубоких личных пристрастий Токугава Иэясу. Еще в 1593 г. он пригласил к себе на службу известного конфуцианца Фудзивара Сэйка (1561—1619), в 1607 г. взял на работу в *бакуфу* Хаяси Радзан (1583—1657), будущего основателя научной школы Ринкэ⁸. Оба ученых постоянно выступали с лекциями по конфуцианскому канону, которые часто посещал Иэясу⁹.

На первых порах конфуцианские принципы рассматривались *сёгунами* Токугава прежде всего как инструмент стабилизации общественного устройства и собственной власти. После учреждения *бакуфу* в 1603 г. Токугава Иэясу начал предпринимать меры по распространению конфуцианства в высшей самурайской среде. Он выделял деньги на печатание книг по административному управлению и законодательным нормам, поощрял *даймё* к созданию в княжествах книгохранилищ и условий для обучения детей воинской элиты. В 1615 г. он разослал в удельные княжества известные «Предписания для воинского сословия» (*Букэ сёхатто*), обязательные к исполнению на подвластной ему территории. В соответствии с этим документом все удельные князья и их вассалы обязаны были совершенствоваться не только в «искусстве войны» (*бу*), но и в «искусстве литературы» (*бун*). Значение иероглифа *бун* понималось гораздо шире, чем просто умение читать и писать, оно включало в себя элементы классического китайского образования и методы гражданского управления. О том, какое значение придавалось предписаниям, говорит тот факт, что *Букэ сёхатто* переиздавали в 1635, 1663, 1683 и 1710 гг. Во всех редакциях неизменно подчеркивался принцип сочетания боевой доблести и умелого гражданского управления (*бумбу*).

Законодательная инициатива Токугава Иэясу была подкреплена практическими мерами. Известно немало случаев, когда влиятельные князья и вассалы *бакуфу* в ранге *хатамото** подвергались наказанию за то, что устанавливали слишком высокие налоги для крестьян, приводившие к бунтам; за то, что не могли погасить в своих владениях конфликты за право наследования; наконец, за раздоры в собственном доме. С 1615 по 1650 г. за различного рода провинности правительство отправило в отставку и конфисковало земельные владения у 95 удельных князей. Среди них были и военные союзники, поддерживавшие дом Токугава в его борьбе за объединение страны¹⁰.

Токугава Иэясу не был пионером в деле просвещения самурайского сословия. Служилое воинство как класс начало формироваться в середине хэйанского периода и изначально было весьма далеким от науки. Но расцвет хэйанской культуры не мог не сказаться на приоритетах и моральных ценнос-

* *Хатамото* — ранг высшей воинской аристократии, прямые вассалы *сёгуна*, имевшие право аудиенции. Изначально ранг присваивался военным союзникам Токугава, сражавшимся на его стороне в битве при Сэкигахара.

тях нового правящего класса. Уже через 7 лет после создания первого камакурского сёгуната, в 1192 г., *сёгун* Минамото Ёритомо наградил одного из своих вассалов Фудзита Ко:сабуру, за воинскую доблесть, а Накахара Наканари, — за литературные достижения. Шло время, и представление о том, что настоящий самурай должен идти не только по «пути война» (*бусидо:*), но и по «пути науки» (*бундо:*), постепенно утверждалось в сознании военной аристократии¹¹.

В 1252 г. был составлен литературный сборник *Дзиккэнсё* (Текст десяти заповедей), в котором говорилось: «Для правителя гражданское (управление) и военное (искусство) неразделимы, как два крыла. Если есть первое, то придет и второе». В *Адзума кагами* (Восточное зеркало) содержится одно из самых ранних предписаний для воинского сословия. Оно также гласит, что настоящий самурай должен не только хорошо владеть мечом, но и уметь управлять своими владениями¹².

После установления *сёгуната* Асикага и перенесения его столицы в Киото, в начале Муромати намечилось некоторое сближение аристократической и воинской культур. Особенно большой вклад в этот процесс внес третий *сёгун* Асикага Ёсимицу (1358—1408). Став правителем *бакуфу* в 10-летнем возрасте, он испытал сильное влияние со стороны регента императорского дома и известного литератора Нидзё: Ёсимото (1320—1388), в числе учеников которого был Имагава Рё:сюн. Юному *сёгуну* был привит вкус к аристократической культуре, которому он не изменял всю свою жизнь. Ёсимицу получал ранги и высокие придворные должности, которых *сёгуны* обычно избегали. Он женился на потомственной аристократке и требовал от своих вассалов, чтобы они приобщались к культуре придворной аристократии. Сам Ёсимицу стремился обеспечить свой авторитет за счет превосходного владения как воинским мастерством, так и гражданскими науками. В эпохи Камакура и Муромати не было другого *сёгуна*, который внес бы столь большой вклад в приобщение воинского сословия к ценностям аристократической культуры¹³.

В определенной мере политика Токугава Иэясу составляла продолжение этих традиций. Она обновила старинные заповеди самурайского кодекса чести и способствовала их внедрению в сознание воинской верхушки. На первых порах *бакуфу* не стремилось к прямому управлению школами, поручая эту работу авторитетным ученым, возглавлявшим научные течения. Политика *сёгунов* Токугава в деле просвещения самурайского сословия нашла свое отражение в развитии общественной мысли и системы обучения в XVII в., она оказала также влияние на формирование семейного уклада и воспитание. В русле этой политики к середине XIX в. разными путями сформировались четыре основных типа школ: *дзюку* (частные домашние и клановые школы), *ханко* (княжеские школы для воинского сословия), *тэракоя* (храмовые буддийские, а затем общинные школы для простолюдинов) и *кё:ко*: (местные школы для воинского и других сословий). Большую роль продолжало играть внешкольное обучение и воспитание, центром которого оставалась семья. Полностью в рамках семьи осуществлялось женское образование и профессиональное обучение.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Постулат о подчинении женщины мужчине был занесен в Японию вместе с буддийским учением в VI в. В «Сутре лотоса» (японское название *Хокэ-кё:*) говорилось о том, что женщина — более грешное создание, чем мужчина, и для преодоления ее греховной сущности требуются особые усилия. На пути постижения истины ей мешают пять пороков, поэтому она должна следовать принципу трех послушаний мужчине (*госё: сандзю:*)¹⁴.

Роль женщин в подъеме хэйанской культуры считается общепризнанной, но принцип «трех послушаний» мужчине (*сандзю:*) был широко известен в хэйанском обществе и нашел свое отражение в художественной литературе¹⁵. Этот мотив присутствовал и в конфуцианском каноне, который усилиями самурайского сословия в течение нескольких веков закреплялся в общественной морали. Моральные наставления для женщин свидетельствуют о том, что принцип абсолютного подчинения женщины мужчине в японском обществе стал доминирующим уже к концу «эпохи воюющих провинций», которая предшествовала периоду Токугава. Он стал краеугольным камнем средневекового женского воспитания, главную суть которого выражал принцип «три послушания и семь пороков» (*сандзю: ситикё*).

Весь комплекс целей, задач и приемов женского обучения и воспитания в период Токугава состоял из четырех больших блоков, тесно связанных между собой. Их не всегда можно четко разграничить, так как они предназначались разным сословиям, а ход времени и изменения в обществе постоянно смещали в них акценты. Это были следующие направления.

1. Моральное воспитание (*сицукэ*).
2. Культурное воспитание (манеры и изящные искусства).
3. Письменная грамота (чтение-письмо) и иногда счет (*соробан*).
4. Классическое образование.

Женское моральное воспитание начиналось с младенческого возраста и имело своей задачей формирование характера и кодекса поведения женщины, востребованного средневековым обществом и средневековой семьей. Требования соответствовали реалиям времени и имели функциональную направленность: женщина должна была жить в интересах семьи и не делать ничего, что затрудняло бы ее выживание. На первом месте стояло требование «трех послушаний» (*сандзю:*).

*Тити-но изэ ни аритэ ва тити ни ситагаи, отто-но изэ ни юкитэ ва отто ни ситагаи, отто сиситэ ва ко ни ситагау*¹⁶.

Смысл заповеди сводился к тому, что, живя в доме родителей, дочь обязана беспрекословно следовать распоряжениям отца. Выйдя замуж, во всем подчиняться мужу. В случае смерти мужа ей следовало принять руководство старшего сына и выполнять его волю.

Рубежным этапом в жизни женщины было замужество и переход в новую семью. Он регулировался набором правил, получивших название «семи пороков» (*ситикё*). В соответствии с представлениями той эпохи женщину следовало изгонять из семьи, если у нее обнаруживались следующие недостатки.

Неуживчивый характер (неумение ладить со свекровью)

Бесплодие

Сластолюбие

Ревность

Нездоровье (проказа или другая тяжелая болезнь)

Длинный язык (пререкания с родственниками мужа)

Склонность к воровству

Правила были четко сформулированы, лаконичны и звучали как пословицы. Они предназначались для повсеместного распространения и запоминания наизусть: *фубо ни ситагавадзару о сару* (первая заповедь), *ко накэрэба сару* (вторая)¹⁷. Первая состоит из двенадцати слогов, вторая — из семи. Их ритмическое построение совпадает с традиционным для поэтических форм чередованием пяти- и семисложных строф, что также имело определенное значение.

Необходимость следовать принципу «трех послушаний и семи пороков» внушалась в той или иной форме во всех моральных наставлениях для девочек, которых было написано великое множество. Самым известным из них считается

Онна дайгаку (Большое учение для женщин), изданное в годы правления Кё:хо (1716—1736). Его авторство приписывается Каибара Экикэн (1630—1714), но это не совсем так. Текст написан под влиянием идей известного просветителя, но принадлежит не ему. В 1716 г. вышла книга двух авторов — Касивара Сэйэмон из Осака и Огава Хикокуро из Эдо — под названием *Онна дайгаку такарабако* (Ценности большого учения для женщин, дословно «сундук с сокровищами большого учения для женщин»). Со временем последнее слово названия сократили, и книга вошла в историю под названием *Онна дайгаку*. В ней содержались принципы женского воспитания, основанные на взглядах Каибара Экикэн, которые он изложил в своей работе от 1710 г. *Вадзоку до:дзикун* (Принципы воспитания детей в японском духе). Вероятно, это и послужило основой для последующих утверждений о прямом авторстве ученого¹⁸.

В *Онна дайгаку* в сжатом виде были сформулированы требования, которые предъявляли к женщине управляемое воинским сословием феодальное общество и сформированная им семья. Они в точности повторяли нормы женского воспитания, принятые в знатных семьях воинского сословия, что и обеспечило работе огромную популярность и долгую жизнь. Все женские добродетели были разделены в ней на четыре группы и распределены по степени важности: 1) подобающие женщине манеры и общее поведение 2) соблюдение норм женской речи 3) опрятная внешность 4) умение вести хозяйство¹⁹. Первые три качества отражали внешнюю сторону поведения женщины и считались более важными, чем домашние способности. Это говорит о том, что авторы наставления вслед за Каибара Экикэн ориентировались прежде всего на мораль самурайского сословия.

Из 19 принципов руководства три относились к воспитанию в детстве, одиннадцать были посвящены женщине в качестве жены и пять — в качестве хозяйки дома²⁰.

1. Девочка вырастает и уходит в семью мужа, поэтому ее воспитанию нужно уделять особое внимание.

2. Женщина должна завоевывать сердце не внешней красотой, а красотой души.

3. С малых лет девочек нужно воспитывать принципиально иначе, чем мальчиков.

После замужества кодекс поведения женщины и ее моральный облик определялись перечнем «семи пороков», к которым были добавлены требования: быть бережливой, довольствоваться малым, не злоупотреблять посещением храмов и избегать общества молодых мужчин.

В своей новой семье женщина как хозяйка должна была 1) подчиняться родственникам мужа, 2) не ходить по чужим домам, 3) быть в курсе всех хозяйственных дел, даже если в доме есть прислуга, 4) проявлять к прислуге терпимость и великодушие, 5) во всем придерживаться норм женской морали.

Эта работа оказала огромное влияние на формирование представлений о женских добродетелях в семьях средних сословий периода Токугава. Она заложила прочные традиции женского воспитания, которых во многом придерживаются и в современной Японии. Со временем название работы также стало нарицательным для всех учебных пособий по женскому воспитанию и образованию. В начальный период Мэйдзи на основе *Онна дайгаку* было написано новое поколение учебников для женщин, в которых традиционные ценности были слегка подправлены с учетом заимствования европейского опыта²¹.

В одном ряду с *Онна дайгаку* стоят учебники, составленные специально для женщин на основе классических трактатов и *о:раймоно* древности. В первую очередь следует назвать *Онна ронго* [Беседы и суждения (кит. Лунъюй) для женщин], *Онна дзицугокё*: (Учение об истинном для женщин), *Онна*

Имагава [(Писание) Имагава для женщин], *Онна тэйкин о:рай* (Тэйкин о:рай для женщин), *Дзёсикун* (Наставление для женщин), *Дзёсисё* (Четверокнижие для женщин), *Дзёкунсё* (Женское воспитание) и многие другие. Автор *Онна Имагава* при написании текста специально не пользовался иероглифическими знаками, чтобы сделать его доступным для широкого круга читателей²².

По содержанию эти работы не очень отличались друг от друга. Все они требовали, чтобы в девичестве дочь почитала отца, словно небо, после замужества почитала мужа, словно небо. Как небо с помощью солнца создает все сущее в мире, так и земля с помощью тени выращивает все сущее, полученное от солнца. Как земля следует небу, так и жена должна во всем следовать мужу своему, и тогда между ними будет гармония, как между небом и землей²³.

Практический аспект женского воспитания диктовался условиями суровой реальности, которой глава семьи воинского сословия посвящал всю свою жизнь, часто недолгую, служению сюзерену, добывая тем самым средства к существованию. Главная роль женщины в семье заключалась в том, чтобы родить и вырастить сына, который мог бы продолжить дело отца и гарантировать жизнь всей семье. Если жена не справлялась со своей задачей, общественная мораль не возражала против рождения наследника от наложницы, о чем свидетельствует популярное выражение того времени «живот напрокат» (*хара ва каримоно*). Сын от наложницы мог иметь все права наследника.

Принцип «семи пороков» женщины прочно привязывал ее к домашнему очагу и был направлен прежде всего на сохранение стабильности отношений в семье мужа после появления в ней невестки. Причем достижение согласия с новыми родственниками полностью относилось на счет достоинств или недостатков воспитания молодой женщины. Неслучайно такие добродетели, как покладистый характер (*вадзюн*) и умение ладить со свекровью, поставлены на первое место. Многословие женщины, понимаемое как склонность обсуждать или оспаривать полученные указания, однозначно причислялось к порокам. После замужества общественная мораль запрещала женщине появляться в мужском обществе, в том числе и среди родственников мужа, а также посещать чужие дома без крайней надобности. Даже в состоятельных семьях, где держали прислугу, молодая жена была обязана быть в курсе всех хозяйственных дел и вникать в детали, отдавать распоряжения прислуге и контролировать их исполнение.

Жизненная судьба женщины определяла содержание воспитания. Девочкам с раннего детства прививали послушание и покорность, формировали потребность в покровительстве и руководстве со стороны старшего и более сильного. К числу неизменных женских добродетелей относилось почитание родителей и старших, сострадание и милосердие, верность мужу и забота о нем и других членах семьи, скромность и воздержанность во всем. Повторяя мотивы *Онна дайгаку*, наставление для женщин *Онна дзицугокё*: гласило: «Для сынов учителей брат надобно и наукам их обучать, дабы дом был устроенный и положение. Что же дочерей касаемо, то сие необязательно. Выдавать их замуж во чужие дома, дабы мужу следовали, да свекрови слушались. А коли в доме отчем не готовить их к тому с малолетства, то и не следовать им мужьям своим, а токмо о своем думать, да позор наживать»²⁴.

Один из самых родовитых и влиятельных удельных князей Мацудайра Саданобу (1758—1829) был принципиальным противником женского образования вообще: «Женам за наилучшее без учения быть, ибо таланты их есть зло великое. В науках им нету надобности, а книжки читать, азбукой писанные, вполне достанет»²⁵.

Нормы морального женского воспитания сложились в недрах осознавшей свою власть элиты воинского сословия, поэтому они в первую очередь

предназначались женам и дочерям из знатных самурайских кланов. Однако по мере утверждения в культуре правящего класса они все шире проникали в сознание представителей иных сословий, формируя их взгляды на положение женщины в семье и обществе. К концу периода Токугава соблюдение этих норм считалось обязательным в семьях высшего и среднего воинского сословия, на них ориентировалось богатое и влиятельное купечество, а также более или менее состоятельные разночинцы с интеллигентной родословной (врачи, духовенство, учителя).

Культурное женское воспитание было в некотором роде продолжением морального. Его задача состояла в усвоении этикетных норм и общей культуры поведения в их широком понимании. Сюда входило множество требований. Женщина должна была уметь держаться почтительно, но с достоинством, обладать хорошими манерами, иметь благородную осанку, следить за своей внешностью, аккуратно и со вкусом одеваться, придерживаться классических норм женской речи и многое другое. В конце XVII — начале XVIII в. для женщин средних сословий несколькими авторами была написана серия наставлений под общим названием «Записки о сокровищах женской души» (*Онна тэ:хо:ки*). В одной из работ этой серии, озаглавленной «Достижение сокровищ женской души» (*Онна тэ:хо: тайсэй*, 1711 г.), приводится список слов, рекомендуемых к употреблению в женской речи. Они должны были придавать ей женственную мягкость и отличать от мужской. Например, вместо обычного слова *норимоно* «карета, коляска» женщинам предписывалось пользоваться словом *окоси*, вместо глагола *ёбу* «звать, называть» следовало говорить *мэсу*, вместо *нэру* «спать» — *осидзумару* «почивать», вместо *кодомо* «дети» — *окотати*, вместо *аси* «нога» — более вежливо *омиаси*. Даже название распространенной в то время женской игры в ракушки *каиавасэ* женщинам в отличие от мужчин рекомендовалось произносить как *каиои*.

Другим важным аспектом женского образования, отличавшего барышень из знатных семейств от простолюдинок, было владение изящными искусствами. В семьях потомственной аристократии и высшего воинского сословия девушки изучали японскую поэзию и классическую литературу, культурные обычаи и традиции старины (*ю:сики*), китайскую классику, каллиграфию, живопись, музыку, искусство национального танца, чайную церемонию, аранжировку цветов, ароматы. Полный список был мало кому доступен, ту или иную часть предметов преподавали дочерям удельных князей, наместников правительства и других представителей высшей знати. В большинстве же семей обычно ограничивались знакомством с японской и китайской классической литературой²⁶. Обучение девушек из высших слоев общества осуществлялось в домашних условиях с помощью нянек и гувернанток. В княжеские школы женщин не принимали, в общинные и храмовые школы вместе с простолюдинами они ходить не могли, а в частные домашние школы девочек отдавать было не принято — формально не запрещалось, но обучение было мужским. К тому же в женском образовании большую долю занимала так называемая «выучка» (*сицукэ*) или моральное воспитание, которое более, чем любой другой предмет, требовало постоянного личного контакта с учителем.

Стандарты образования и воспитания для девушек из знатных семей и простолюдинок сильно различались. Моральное и культурное воспитание предназначалось в первую очередь барышням из высших слоев общества. В рядовых семьях были иные приоритеты, что видно из популярного в Эдо женского пособия *Сюдзю: нитиё: дзё:моку* (Правила руководства и послушания на каждый день). Его автор Икэда Ёсинобу пишет: «Благородных барышень с детства должно письменности обучить, а лет в 12—13 к вышивке вкус прививать. После того ире на *кото* либо *сямисэн* учиться. Что до низших сословий, то им и без

учения маяты не будет. А коли времени вдосталь, то читать «Большое учение для женщин» и тому труды подобные, кои выучке женской наставляють»²⁷.

Письменная грамота и счет являли собой принципиально иной практический аспект женского образования, поэтому отношение к нему в разных сословиях было неодинаковым, к тому же оно менялось с течением времени. Умение читать и писать считалось обязательным для образованной барышни из знатного семейства, а вот искусство счета долгое время не пользовалось признанием власть имущих. Простые вычисления на счетах *соробан* считались атрибутом культуры «низкого» торгового сословия. Поэтому добропорядочной хозяйке из хорошей семьи не нужно было знать правила счета. В пособиях того времени встречаются утверждения о том, что не пристало приличной женщине считать в лавке деньги. Следовало просто выложить их перед торговцем, поручив ему самому отсчитать нужную сумму. Кроме того, в семьях рангом ниже бытовало мнение, что «щелкающая на счетах жена мужа отщелкнет» (*соробан-о хадзикэба отто-о хадзикэдасу*)²⁸.

В семьях простых сословий — ремесленников, торговцев и рядовых воинов — отношение к практической грамоте женщин было иным. В условиях феодальной «рисовой экономики» они вели постоянную борьбу за существование, в которой руки и практические знания женщин были существенным подспорьем. Жизнь рядовых воинов и простых горожан не очень отличалась, и женщины в таких семьях нередко играли важную роль, работая наравне с мужчинами. В небольших торговых лавках жены иногда стояли во главе всего дела. Это нашло свое отражение в выражениях типа *кака: тэнка* (домоправительница) или *яма-но ками* (дословно «дух горы, к началу полевое сезона спускающийся на поля и обеспечивающий урожай»), которыми называли женщин, заправлявших семейным делом. В крупных купеческих домах вообще требования к женщине и ее образованию были довольно высокими. Это было связано с распространенным представлением о том, что образованная жена больше соответствует идеалу «мудрого материнства» (*кэмбосюги*). Поэтому многие состоятельные семьи, вышедшие из низов, стремились обучать дочерей музыке, поэзии и чайной церемонии. Культурное образование и владение изящными искусствами были обязательными условиями для приема девушки в услужение и одновременно на выучку (*хо:ко:*) в знатную семью. Это давало ей возможность через замужество подняться выше по социальной лестнице.

В простых городских семьях письменная грамотность дочерей и владение счетом всячески приветствовались, однако матери и старшие сестры, обычно обучавшие младших, часто были слишком заняты работой. Тем не менее число учениц в городских общинных школах было невелико, а их учеба ограничивалась письмом, счетом и рукоделием. С 1805 г. в школах в качестве пособия по письму стали использовать *Онна сё:соку о:рай* (*Сё:соку о:рай* для женщин, автор Такаи Сисаку)²⁹. Специально для обучения девочек основам грамоты в 1829 г. было составлено краткое руководство *Дзёси тэнараидзё*: (Пособие по письму для женщин)³⁰.

Большинство девушек получали необходимые для жизни навыки не в школах, а на частных курсах кройки и шитья (*охария* или *нуимоноя*), которые были едва ли не в каждом городском квартале. Эти курсы нигде не регистрировались, и занятия в них вели не дипломированные учителя, а простые горожанки, обучавшие девочек кроить, шить, окрашивать и обрабатывать ткани. Иногда к этому добавляли навыки уборки, стирки, кулинарии, другой женской работы по дому. Курсы домоводства были очень распространены в городах, особенно больших, и в количественном отношении вряд ли уступали общинным школам.

Женщины из крестьянского сословия в общей массе были наименее грамотными и реже всего посещали учебные заведения. В деревенской общине

были свои методы воспитания. С общего согласия в одном из домов отводилось помещение для сбора молодежи, нечто вроде деревенского женского клуба, куда допускались девушки, достигшие 14 или 15 лет, в зависимости от местности. Они назывались *мусумэ ядо* «девичья изба». Здесь собирались девушки для выполнения вечерней работы *ёнабэ* (плетение, шитье, вышивка и пр.) и просто для общения и отдыха. Во время посиделок от старших к младшим передавались традиции и обычаи общины, бытовой этикет, приемы ведения домашнего хозяйства и многое другое³¹. Таким образом, из всех видов женского обучения в сельской общине организовано осуществлялась только социализация, остальные разновидности имели окказиональный характер.

Классическое образование, понимаемое как адекватное мужскому, оставалось для женщин практически недоступным не только в течение всего периода Токугава, но и в первые годы Мэйдзи. Отдельные примеры-исключения подтверждают это правило. В княжеские школы и школы, управляемые *бакуфу*, девушек не принимали. Лишь в провинции Цуяма (современная префектура Окаяма) в княжеской школе одно время существовал единственный женский класс, для которого специально нанимали учительницу. Программа обучения в нем была своя. Здесь штудировали те же «Наставления Имагава для женщин» и «Большое учение женщины». Набирали в класс девочек из крестьянских и простых городских семей — барышни из семейств воинского сословия в нем не учились. Двери княжеских школ открылись для девочек только после реставрации Мэйдзи, когда между княжествами началось своего рода соревнование за первенство в исполнении правительственных указаний о расширении школьного обучения. Из 276 княжеских школ женское обучение было разрешено только в семи³². Однако и после этого обучение долго еще оставалось отдельным и отличным по содержанию.

Редким примером стало открытие в 1871 г. в княжестве Мацуэ (префектура Симанэ) школы для девочек из семей воинского сословия. В ней тоже учили по упрощенной программе: *содоку* (чтение классики), письмо и счет. Для девочек из простых сословий в княжестве был открыт учебный пункт (*кё:до:дзё*), где ограничивались моральной выучкой *сицукэ*³³.

Школы классического китайского образования (*кангаку*) в Японии никогда не предназначались для женщин, но тем не менее история сохранила отдельные примеры обучения женщин в частных школах этого направления. По данным Исикава Кэн, в очень известную клановую школу *Ринкэ* с 1630 по 1888 г. поступил 2 761 ученик, в том числе только одна женщина. В 1805 г. в провинции Бунго (префектура Оита) открылась крупная частная школа китайского направления *Кангиэн*, которую в 1817 г. возглавил видный ученый Хиросэ Тансо: (1782—1856). За 92 года работы школы в ней прошли обучение 4 617 учеников из 64 разных провинций, среди них было только две женщины. Две монахини были зачислены в *Кангиэн* в апреле 1831 г., но не проучились в ней и одного года: имя одной из них исчезло из школьных списков в сентябре того же 1831 г., а имя второй — через 5 месяцев³⁴.

Созданная воинским сословием система социального устройства не оставляла женщинам возможностей для классического образования, но в истории остались имена нескольких женщин, вопреки всему добившихся успеха на этом традиционно мужском поприще. В жанре китайской поэзии было известно творчество Янагава Ко:ран, Сибаяма Кинъэй и Эма Сайка. Последняя даже открыла собственную школу и имела своих последователей, среди которых были и мужчины³⁵.

В истории отечественной научной школы (*кокугаку*) женские имена встречаются гораздо чаще. В частной школе известного японофила Камо Мабути

(1697—1769) числилось 58 женщин, в первом наборе школы Мотоори Норинага (1730—1801) из 489 учеников было 28 женщин, во втором — из 1034 чел. — 71 женщина, в третьем из 820 чел. — 61 женщина³⁶. Это направление было единственным в японской науке, где ощущалось присутствие женщин. Несмотря на то, что европейские знания стали проникать в Японию во второй половине Токугава, а их широкое распространение началось уже в XIX в., женщины не оставили никакого следа в этой области. Причины относительной эмансипации в сфере отечественной науки объясняются двумя факторами. Во-первых, большим вниманием, которое она уделяла изучению национального фольклора и классической японской литературы — одного из главных признаков хорошо образованной женщины во все исторические эпохи. Во-вторых, школы отечественной науки широко практиковали выездную и заочную форму обучения. Особенно славилась этим школа Мотоори Норинага. Преподаватели регулярно выезжали в другие провинции и читали курс лекций, после чего оставляли ученикам тексты рукописей и вопросы к ним. Свои письменные работы ученики отправляли в школу. Такая форма обучения была не только более доступна, но и психологически более приемлема для женщин, в массе своей не приученных к регулярному посещению школьных уроков — на протяжении веков это было мужским занятием. Данная форма обучения помогает объяснить огромную разницу в числе последователей научной школы Норинага и количестве учеников на его лекциях: в списке первых около 4,5 тыс. чел., в то время как в классе редко бывало более 10 чел. одновременно³⁷. Многие ученики за все время учебы либо вообще не появлялись в школе, либо один-два раза приезжали на короткие сессии. Впрочем, это не имело большого значения, так как изучались в основном комментарии к текстам *Манъё:сю:*, *Гэндзи моногатари* и других литературных памятников. Среди известных учеников школы Мотоори Норинага числилось несколько женских имен³⁸.

В историческом справочнике города Киото, куда заносились сведения обо всех известных горожанах, сводный раздел «Женщины» появился только в 1813 г., хотя 95 женских имен фигурировали в разных разделах справочника и до этого. Всего с 1768 по 1867 г. в справочник были включены имена 4 012 жителей Киото, среди них 116 женщин, что составляло 2,89 %. Все они добились известности на ниве музыки, поэзии, живописи и каллиграфии³⁹.

Редкие возможности женской карьеры в период Токугава сводились к работе врачом или учителем в общинной школе. Большинство стремились попасть в число фрейлин жены *сёгуна*, *даймё*: или другого высокопоставленного самурая, чтобы прислуживать на женской половине (*о:оку*) родового замка, куда вход мужчинам был запрещен. В конце правления *бакуфу* несколько известных женщин сделали карьеру певиц. В это же время заметно возросло число женщин-учителей в школах, в основном по предметам музыкально-художественного цикла (игра на *кото* и *сямисэн*, танцы, живопись, каллиграфия, вышивка, *икэбана* и т.п.).

Косвенным показателем уровня образованности женщин в первой половине XIX в. могут служить данные о женщинах-учителях в начальных школах столичного округа Токио в первые годы после реставрации Мэйдзи. В основном это были городские *тэракоя* начального уровня, в которых обучали письменной грамоте и вычислениям на счетах.

Приведенные в таблице 4.3. данные о возрасте и учительском стаже взяты из личных заявлений о приеме на работу. Средний возраст учительницы в то время составлял 44,4 г., педагогический стаж — 10,8 г. Следовательно, большинство женщин прошли школьное обучение в 40—60-е годы XIX в., уже во время образовательного бума.

Таблица 4.3. **Возраст, педагогический стаж и социальное происхождение женщин-учителей (столичный округ Токио, 1873 г.)**

Возраст	15—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—75	старше 75	неизвестен	всего
Количество (чел.)	5	19	17	31	21	13	5	2	4	117
Педагогический стаж	менее 5 лет	5—10	10—15	15—20	20—25	25—30	более 30 лет	неизвестен	всего	
Количество (чел.)	7	39	38	16	5	1	1	10		119
Сословное происхождение	воинское сословие	простые сословия	врачи	духовенство	ученые	неизвестно				
Количество (чел.)	20	83	3	2	1	8				117

Источник: Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. стр. 284, 286

СЕМЕЙНЫЙ УКЛАД И ВОСПИТАНИЕ

Понятие семьи в средневековой Японии и правила, регламентирующие поведение ее членов, формировались в период войн под влиянием идеологии военно-феодалного сословия. Их окончательное закрепление произошло в XVII в., когда незыблемость социальных устоев обеспечивалась сословным делением общества и семейным домостроем. Классическая трактовка семейного устройства того времени исходила из того, что семья — это прежде всего звено в длинной цепочке бытия, направленной от предков к потомкам. Каждый член семьи занимает в этом звене в данный момент какую-то позицию, и все его действия должны согласовываться с нормами, установленными для этой позиции и соблюдавшимися предками. Правила регламентировали отношения членов семьи внутри нее и с другими людьми за ее пределами. Главный смысл существования отдельного члена семьи виделся в том, чтобы содействовать укреплению ее жизнеспособности и расширению сферы влияния. Только заняв свою ячейку в семейном устройстве и выполняя должным образом свои функции, член семейного коллектива мог добиться уважения в семье и обществе. Присущие любому семейному образованию эмоциональные узы находились на втором плане. Родство, основанное на социальном договоре (приемные сыновья, ученики), признавалось в обществе наравне с кровным родством. Семью не рассматривали ни как средство социальной защиты ее членов, ни как средство реализации их индивидуальных устремлений. Семья рассматривалась как социальный коллектив со своим уставом и задачами⁴⁰.

Такое отношение к семье во многом сохраняется в Японии и сегодня, хотя состав ее членов и численность претерпели большие изменения. Представление о том, что семья должна существовать вечно, нашло свое выражение в невероятно низком для развитого общества числе разводов в Японии. В 1999 г. на 1000 чел. населения было зафиксировано 2,0 развода*. По данным опросов, в феврале 2001 г. 53 % всех японцев считали развод в принципе недопустимым. В 1979 г. это убеждение разделяли 63 % взрослого населения страны⁴¹.

Воспитание детей осуществлялось в соответствии с общественной моралью. После рождения ребенок получал собственную позицию в семейной иерар-

* По сравнению с 1960 г. (0,74) показатель вырос почти в три раза, но остается очень низким по мировым стандартам. См. То:кэй дэ миру нихон 2001. Нихон то:кэй кё:кай. Со:мутё: то:кэй-кёку (Япония в зеркале статистики. Японское статистическое бюро, Отдел статистики департамента управления и координации). 2001. С. 24—25.

хии, которая во многом определяла его будущую жизнь: старший сын, второй сын, третий сын, старшая дочь, вторая дочь и т.д. Бытующее и сегодня в Японии непересечение счета по мужской и женской линиям объясняется тем, что с давних времен их семейные роли сильно отличались. С самого рождения ребенок должен был воспитываться в соответствии со своим будущим предназначением в семье. Методы воспитания первого сына отличались от воспитания второго, не говоря уже о той пропасти, которая разделяла воспитание мальчиков и девочек. В средние века система воспитательных мер была отшлифована и продумана до деталей. В соответствии с предписаниями Накаэ То:дзю, во многих домах военного сословия забота о будущем наследнике начиналась с мер пренатального воспитания. Система социальных регламентаций охватывала всю человеческую жизнь и простиралась даже за ее пределы — размер и форма надгробного камня также зависели от происхождения и положения в обществе. Ребенок должен был с малых лет уяснить, что на свете существуют господа и их вассалы, у последних есть свои вассалы, и все люди связаны сложными иерархическими отношениями. Не только воинское сословие с его рангами, но и другие классы имели сложную вертикальную структуру. Среди крестьян-земледельцев существовали ранги *сё:я* (сельский староста), *осабякусё:* (или *отона-бьякусё:*, деревенский старшина), *куми-гасира* (старший пятидворки), простые безземельные крестьяне *мидзунومی* и *комаэ*⁴².

Забота о будущем поколении начиналась с установления брачного возраста. Если в древние века мальчики могли вступать в брак с 15, а девочки — с 13 лет, то начиная со второй половины XI в. брачный возраст для девушек знатного происхождения поднялся до 18 лет⁴³. Это объяснялось необходимостью полного духовного и физического созревания молодой матери к моменту рождения ребенка. Запрещалось заключать браки в мае, так как по старому календарю это была середина лета, считавшаяся неблагоприятным временем для начала новой жизни с точки зрения соотношения длины дня и ночи, а также фаз луны. Самыми удачными месяцами для свадьбы считались февраль (весна) и август (осень).

После заключения брака особые требования предъявлялись к женщине. На нее возлагалась полная ответственность за достижение мира и согласия в отношениях с мужем и его родственниками, в первую очередь со свекровью. Добропорядочный и ответственный семьянин должен был выгнать жену из дома, если не мог добиться от нее послушания, так как считалось, что без порядка в семье невозможно вырастить достойных детей. А это ставило под угрозу будущее всей семьи.

Японская пословица гласит, что «с семи лет мальчик девочке не ровня», однако в действительности раздельное воспитание начиналось едва ли не сразу после рождения. Например, в семьях аристократов предписывалось мальчиков кормить без ограничений, по потребности до семи лет, а девочек — только до трех. После чего следовало сокращать количество кормлений до двух-трех раз в день. По-разному проводились и церемонии, в большом количестве сопровождавшие детей в первые годы жизни. Например, сразу после рождения проводилась церемония отпугивания от новорожденного злых духов (*мэйгэн*), состоявшая в имитации стрельбы из лука. Тетиву пустого лука, без стрелы, оттягивали и имитировали выстрелы по злым духам. Для мальчиков символический выстрел производился трижды, для девочек — дважды. Вся ответственность за благополучие и безопасность ребенка возлагалась на мать. Его болезнь или травма расценивались как упущение женщины и свидетельствовали в глазах окружающих о ненадлежащем исполнении ею своих семейных обязанностей. До пяти-шести лет мать обязана была всюду сопровождать ребенка и ни на минуту не выпускать его из поля зрения.

По мере взросления мальчиков в самурайских семьях начинали учить обращению с оружием, грамоте, кодексу поведения воина и речевому этикету. Последние два аспекта были особенно важны в сословном средневековом обществе — они обеспечивали умение правильно общаться и строить отношения с представителями высших и низших сословий. Основу этикета составляло знание общего церемониала, ежегодно проводимых местных празднеств, а также норм поведения в повседневной жизни. Основными церемониями жизненного цикла взрослого аристократа считались: достижение совершеннолетия (*кан*, по названию специального головного убора, надеваемого юноше в этот день), помолвка (*кон*), смерть (церемония похорон *со:*) и следующая за ней серия церемоний в память обо всех усопших предках (*сай*). Этот ритуальный цикл так и называли *кан-кон-со:-сай*⁴⁴.

Благодаря работам Накаэ То:дзю, Каибара Экикэн и других просветителей первой половины Токугава, в общественных взглядах на семью и воспитание произошли некоторые изменения. После окончания междоусобиц стала больше цениться человеческая жизнь, в сознание горожан начали внедряться минимальные нормы гигиены и санитарии, подробно расписанные в различных руководствах и наставлениях. Главной задачей и обязанностью женщины в феодальном обществе считалось рождение и воспитание здорового ребенка, поэтому особенно много наставлений составлялось на этот счет⁴⁵.

Одним из последствий установления мира стало появление у детей возможностей для игр. Во второй половине XVII в. благодаря усилиям просветителей японское общество признало необходимость игр (*асоби*) как важного элемента детского развития. Наставления по воспитанию призывали взрослых не лишать детей такой возможности. К этому времени относятся издание первых детских книг и начало ремесленного изготовления игрушек.

Вслед за Каибара Экикэн и О:хара Ю:гаку авторы назиданий стали призывать взрослых относиться к воспитанию детей с полной самоотдачей и требовать того же от детей, чем бы они ни занимались — игрой, учебой или овладением ремесленным мастерством.

Поощряя высшее самурайство к получению образования, *бакуфу* сделало заявку на возрождение традиций централизованного обучения, давая понять, что вопросы образования правящего класса не являются только внутрисемейным или внутриклановым делом, а представляют государственный интерес. В дальнейшем правительство не раз принимало решения, которые оказывали существенное влияние на развитие обучения. Вплоть до середины XVII в. отношение к детям со стороны правительства, а значит и со стороны общества состояло в том, что их считали уменьшенной копией взрослого человека, своего рода «маленьким взрослым». Считалось, что поскольку взрослый член общества — это естественный результат развития ребенка, то процесс воспитания должен заключаться в том, чтобы каждый день и час приближать ребенка к этому состоянию.

В 1722 г. было издано распоряжение *бакуфу*, в котором говорилось: «До сведения всех крестьян должна быть доведена необходимость должного соблюдения законов, однако немногие помнят об этом, и число нарушителей не уменьшается. В последнее время повсюду появились школьные учителя, по сему им следует использовать правительственные распоряжения, «Разъяснение к Положению о пятидворках» и моральные наставления в качестве учебников по письму и чтению...»⁴⁶

В 1654—1659 гг. в княжестве Намбу (современная префектура Иватэ) жил учитель школы по имени Намиока Норитада. Ему принадлежит одно из руководств по воспитанию крестьянских детей под названием *Но:минка ка-*

мадо-датэ о:рай (Основы семейного устройства для крестьянских дворов). Он пишет, что на первом этапе крестьянские дети должны познать начальную грамоту (слоговую азбуку *ироха*), научиться делать записи в книге учета, писать простые письма и считать на японских счетах (*соробан*). Потом следует переходить к чтению *офурэгаки* и *ко:сацу**, «Предисловие к положению о пятидворках». На заключительном этапе следует освоить написанную им работу *Но:минка камадо-датэ о:рай*. Знания сверх этого перечня не только не нужны, но и вредны, поскольку прямого отношения к крестьянскому труду не имеют и могут лишь вызвать ненужные мысли, следовательно, ни к чему хорошему не приведут⁴⁷.

Само слово *кё:ику*, которым сегодня называют процесс образования и воспитания в Японии, впервые появилось в правительственном документе от 1796 г., который был адресован городским сословиям. В нем говорилось о необходимости усилий по правильному семейному воспитанию в связи с тем, что в городские управы все чаще стали поступать заявления от родителей о лишении прав наследования и расторжении родственных связей с детьми (*кю:ри данто:*) из-за их неправильного поведения. Документ доводил до сведения родителей, что большое число изгнанных из дома детей бродяжничают, умирают голодной смертью или совершают преступления, навлекая позор на свои семьи. В интересах общества родителям и другим членам семей, а также местным органам власти предписывалось прилагать все усилия для улучшения воспитания⁴⁸.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СЕМЬЯХ ТОРГОВЦЕВ

По мере развития торговли и роста ремесленного производства началось распространение системы профессионального обучения в семьях (*хо:ко:*), что получило свое отражение в художественной литературе того времени. Главного героя романа Ихара Сайкаку *Ко:сёку итидай отоко* (Жизнь мужчины в любовных похождениях, 1682 г.) отдали учеником в семью учителя начальной грамоты, когда ему исполнилось 4 года⁴⁹.

В большинстве городских семей считали необходимым знание начальной грамоты и счета. Обычно ребенка отправляли на два-три года в общинную школу, а после нее — на выучку и в услужение в другую семью. Таким образом, считавшийся оптимальным вариант обучения состоял из двух этапов — начального общего и специального. Цели и задачи ученичества были разными. Детей из бедных семей отдавали на учебу в надежде на получение профессии, так как других надежд не было. Старших сыновей из средних и состоятельных семей отдавали в ученики, чтобы избавить от мягкостей домашнего воспитания и закалить характер, подготовить к трудностям жизни как будущего главу семейного дела. Их младших братьев отправляли из дому, чтобы выучить и дать шанс на самостоятельное устройство вне семьи, так как место наследника было занято. Для ученичества обычно выбирали семью той же профессии. Некоторые дома обменивались своими детьми, и эта практика при хороших отношениях могла длиться годами. Если же не было семейства, готового принять ребенка, то найти его было непросто. Торговцы обычно старались отдать сыновей в семьи более высокого ранга, чем своя. Когда удавалось получить согласие на прием в очень известный торговый дом, довольствовались и коротким сроком учебы. Ранг, известность семьи, в которой учился ребенок, служили его визитной карточкой во взрослой жизни.

Городских детей обычно отправляли на выучку с десятилетнего возраста, срок обучения в норме составлял 10 лет. Ученик должен был иметь гаранта (*укэнин*), принимавшего на себя ответственность за него. Гарантом мог стать отец ученика, другой родственник или просто авторитетный в местной общине

* Распоряжения центральной и местной власти.

человек, обычно связанный с местной властью. Он брал на себя моральную ответственность за ученика на протяжении всего срока обучения. В торговых домах Осака начинающих учеников называли *дэтти*, в Эдо — *кодзо*: (служба)⁵⁰.

В деревнях система ученичества была не так распространена, но некоторые родители все же отправляли своих детей в город в надежде на лучшую долю. В крупных городах существовали вербовщики, которые набирали в деревнях по 30—50 мальчиков в возрасте 12—13 лет и доставляли их в город с последующим распределением в семье, где хотели взять учеников⁵¹.

Ученик-новичок первое время обычно присматривал за маленькими детьми, занимался уборкой, прислуживал на кухне, выполнял мелкие задания по хозяйству. Освоившись с работой по дому, он начинал выполнять поручения в качестве посыльного. Если до этого он не учился в общинной школе, то освоение грамоты во время ученичества считалось обязательным. Если же умел читать, то по вечерам должен был заниматься чтением. В семьях бытовало убеждение, что, чем строже обращение с учеником, тем лучше для него, поэтому жизнь у *дэтти* была тяжелой⁵². Он должен был два раза в день делать влажную уборку в лавке, разбрызгивать воду на улице перед входом, чтобы сбить пыль, чистить и протирать пепельницы, бегать по кухонным поручениям, аккуратно расставлять обувь за пришедшими гостями, подавать им зеленый чай и т.д. Если хозяин или его дети выходили из дома, ученик должен был всюду их сопровождать. От него требовалось также неукоснительное соблюдение распорядка дня и абсолютное терпение при любых неудобствах, связанных с выполнением обязанностей. Воспитание этих качеств считалось необходимым условием успеха в торговом деле.

В приемной семье *дэтти* работал бесплатно, получая от хозяев два раза в год только одежду: на праздники в августе — зимнюю, и под Новый год — летнюю. Кроме того, ему выдавали мелочь на покупку самых простых и необходимых вещей вроде носовых платков и деревянных сандалий. Впрочем, в некоторых домах комплект выдаваемой одежды сокращался до летней соломенной шляпы и головного убора на зимнее время. Семья также кормила ученика и давала ему кров. Все остальные расходы, если они были, брали на себя родители.

Навещать родную семью во время ученичества запрещалось. Это делалось для закалки характера и умения терпеть разлуку с домом. Недельные выходные ученику не полагались, отдых предоставлялся два раза в год, по одному дню. Правила в западной части страны (Киото и Осака) и восточной (Эдо) несколько различались. В Киото и Осака два дня отпуска предоставлялись весной и осенью, в Эдо — летом и зимой. В Киото и Осака посещение родного дома называлось *ябуири*, а в Эдо — *ядоори*. Только в эти два дня ученик имел право навещать родных. Если до дома было далеко, он наносил визит гаранту. Эти два дня в году были для него самыми счастливыми. В литературе описано немало случаев, когда в ночь накануне отпуска ученик от волнения не мог уснуть вообще, и на рассвете, еще затеменно, надев новую одежду, отправлялся пораньше в путь, чтобы успеть вернуться вовремя. Таковы были правила, и конечно, они часто нарушались. Ученики тайком навещали родных под различными предлогами, особенно если дом был недалеко.

Торговые дома того времени организовывались по семейному принципу. Его глава почитался как отец, а все служащие в зависимости от служебного положения и стажа располагались по ранжиру в качестве старших и младших братьев. Ученики занимали в этой иерархии нижнюю ступеньку, но также считались членами семьи и участвовали наравне со всеми в ежегодных празднествах, служивших им еще одной отдушиной во время трудной учебы.

В семьях торговцев первые пять лет ученик обычно выполнял только хозяйственные поручения. На шестой год ему разрешали помогать по торго-

му делу. Сначала это упаковка и распаковка товара, затем сопровождение старших при посещении поставщиков и покупателей, присутствие при заключении сделок с клиентами и обсуждении расчетов с партнерами.

В 17 или 18 лет проводилась торжественная церемония совершеннолетия (*гэмпуку*), после которой ученику разрешалось носить взрослую прическу. Хозяин провозглашал его переход из категории учеников *дэтти* в категорию младших служащих *тэдай* и официально извещал об этом местную общественность. В ознаменование этого события вновь посвященному вручались комплект парадной одежды, трубка и табакерка. В зависимости от статуса приемной семьи он мог получать и другие подарки от родственников и торговых партнеров. После церемонии *гэмпуку* новообращенному *тэдай* разрешалось надевать парадную накидку для кимоно *хаори*, курить табак и пить спиртное, если только в семье не было внутренних запретов на этот счет⁵³.

Став младшим приказчиком, бывший ученик начинал самостоятельно вести записи в журнале учета, контролировать хранение и подачу товара и т.д. Со временем ему давали разрешение самостоятельно оформлять небольшие сделки. Это были первые и очень ответственные шаги в самостоятельной работе, за которыми внимательно следили. Тем не менее посещение родного дома для *тэдай* в Киото и Осака по-прежнему находилось под запретом. Вместо этого он получал право один раз в год посетить для отдыха какое-либо публичное зрелищное мероприятие, стоимость этого удовольствия великодушно оплачивал хозяин. В Эдо *тэдай* тоже получал отпуск на один день, при этом ему не возбранялось навестить родных. Как видим, в колыбели купечества правила были строже. Молодой человек, отвыкнув от дома за годы ученичества, обычно ненадолго и исключительно ради приличия показывался в доме родителей или гаранта и тут же отправлялся отдохнуть и развлечься.

В торговых домах экономию и бережливость возводили в ранг высшей добродетели, поэтому вся повседневная жизнь семьи была расписана до мелочей с учетом требований экономии. Глава одного из крупных купеческих домов Симай Со:сицу (1539—1615) в своих семейных наставлениях оставил рекомендацию по рациональному использованию продуктов. Он писал, что если домохозяин подкармливать ячменем, то за год можно сэкономить немного риса. Традиционное японское блюдо суп из *мисо* (*мисосиру*), рекомендовал перед едой тщательно процедить. Осевшую из бульона бобовую массу можно перемешать с очищенной овощной кожурой и поставить на стол ученикам и прислуге. А чтобы не вызывать их недовольства таким угощением, сам глава семьи и его супруга должны время от времени есть то же самое⁵⁴. Отношение к режиму экономии станет понятнее, если учесть, что эти советы принадлежат вполне преуспевавшему торговцу.

Тот, кто успешно справлялся с работой в качестве *тэдай*, мог рассчитывать на последнюю и самую высокую должность *банто*: (старший приказчик). *Банто*: имел право жениться и жить отдельно от приемной семьи. В больших купеческих домах приказчиков было несколько, один из них назначался главным управляющим и становился правой рукой хозяина. В идеальных случаях карьера завершалась достижением полного доверия хозяина и выделением приказчику части торгового дела в самостоятельное управление (*норэн*). Отделившийся молодой торговец получал от бывшего хозяина материальную поддержку и становился его полноправным партнером⁵⁵.

Суровые требования ученичества *хо:ко*: оказывались по плечу немногим, и до младших приказчиков *тэдай* доходили единицы. Большинство учеников проводили в приемной семье два-три года, после чего возвращались домой. *Тэдай* нередко допускали растраты, грубые просчеты и другие прегрешения, после которых их служебная карьера заканчивалась. Главными причи-

нами часто становились азартные игры и алкоголь. В домашних наставлениях крупных торговых домов нередко встречались запреты, свойственные только этому сословию. Например, запрещалось употребление спиртного до 40 лет, рекомендовалось избегать увеселительных кварталов с женщинами и азартными играми. Игра на музыкальных инструментах и вообще искусства считались делом довольно вредным, которое только отвлекает человека от главной задачи, поэтому обучение музыке не поощрялось. Против «высокого аристократического искусства» вроде аранжировки цветов и чайной церемонии возражать было трудно, но и к ним среди ортодоксов отношение было скорее сдержанное. Словом, не одобрялось все, что могло отвлечь от выполнения главной и единственной задачи — успешного ведения дела, на что и направлялись силы всей семьи, включая мужчин, женщин и детей. Такая жесткая установка во многом объясняется трудными, порой жестокими условиями, в которых формировалось японское купеческое сословие. Долгое время оно занимало самую низшую ступень в феодальном обществе и особенно презиралось самураями. Крестьяне и городские ремесленники, производившие материальный продукт, пользовались гораздо большим признанием, чем ловкие и оборотистые купцы, зарабатывавшие деньги на купле-продаже. Со временем японское купечество накопило огромные средства и стало играть ведущую роль в жизни и культуре городских сословий. Дети, отдаваемые на выучку в торговые дома, наравне со взрослыми разделили все тяготы и испытания в ходе этого исторического процесса.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ В СЕМЬЯХ РЕМЕСЛЕННИКОВ И АРТИСТОВ

Слово *сёкунин*, которым в Японии называли ремесленников, довольно древнее — впервые оно встречается в рукописи 1214 г. В то время к ремесленникам относили простолюдинов всех профессий, в том числе каменотесов, плотников, музыкантов, врачей и даже священников. К XVII в. значение слова сузилось: так стали называть только тех, кто производил изделия собственными руками. Число ремесленных специальностей увеличивалось постоянно. Выделились профессии плотников (*дайку*), распиловщиков древесины (*кобики*), резчиков по дереву (*кидзиси*), каменщиков (*исия*), кузнецов (*кадзия*), литейщиков (*имоноси*) и т.п. Особую гильдию составляли дома виноделов-производителей *сакэ* (*то:дзи*). Производство этого алкогольного напитка из риса занимало особое место и пользовалось огромным уважением в обществе. Весь производственный процесс состоял из семи этапов, начиная от подбора сырья и кончая хранением, и каждый имел собственные приемы и секреты, передававшиеся по наследству.

Мир мастеров-ремесленников эпохи Токугава по вертикали был разделен на три разряда: мастера-наставники (*ояката*), рядовые ремесленники (*сёкунин*) и подмастерья, или ученики (*тотэй* или *кодзо*:). Брать учеников имели право только *ояката*. Обычно учеба начиналась в 11—13 лет и длилась 10 лет, хотя по районам могли быть отличия. При приеме ученика обращали внимание на два момента: наличие административных нарушений в прошлом или, говоря современным языком, судимости, и обучение у другого мастера. Брать на выучку нарушителей запрещалось, а если ученик уже где-то учился, то мастер связывался с его прежним наставником, выяснял все обстоятельства и получал его согласие. Переходы в другую семью происходили только с согласия наставников и в общем не приветствовались, так как были связаны с передачей секретов профессионального мастерства. Начиная учебу, подмастерье брал обязательство хранить секреты своего наставника. Иногда условия ученичества оговаривались в кратком письменном соглашении, иногда устно,

но определенные правила были всегда. Так же, как и в школах, процедура начиналась с визита родителей в сопровождении гаранта в дом мастера⁵⁶.

После достижения соглашения ученик переезжал в дом наставника и становился членом его семьи. Поначалу он жил на положении прислуги и выполнял второстепенную работу по дому и в мастерской, привыкая к инструментам. Мастера-наставники руководствовались двумя факторами. Во-первых, они были заинтересованы в результатах обучения, так как имя мастера сопровождало ученика всю жизнь и служило не только визитной карточкой последнего, но и поддерживало репутацию самого наставника. Во-вторых, нужно было думать о поддержании постоянного соотношения на рынке услуг между числом потенциальных заказчиков и количеством ремесленников в данном районе или местности. Эти два фактора служили главными регуляторами в системе семейного профессионального обучения. В последние годы перед Мэйдзи многие нормы и традиции были преданы забвению, сроки учебы часто сокращались до 6—7 лет.

Ученик во время учебы работал в доме наставника бесплатно, получая за это стол, кров и дважды в год одежду*, а также мелкие деньги на покупку самого необходимого. Другие условия учебы тоже не отличались от тех, что были приняты в торговых домах. Посещение родной семьи дважды в год, как бы близко она ни была, отказ от личных желаний и потребностей, сосредоточенность на выполнении своих обязанностей и терпение. По тогдашнему выражению *кэга то бё:ки ва дзибун-моти****, никаких гарантий на случай болезни или травмы ученику не предоставлялось⁵⁷.

По окончании учебы наставник устраивал семейное выпускное торжество (*нэнки-акэ*), на которое приглашал гаранта и родителей. В нем принимали участие все члены семьи наставника и другие подмастерья. Закончивший обучение получал от наставника в подарок набор инструментов и нарядное кимоно. Самые именитые мастера дарили ученикам свой вензель или кимоно с фамильным гербом. Церемония знаменовала собой новый этап отношений между учеником и его наставником, которые в норме были рассчитаны на всю жизнь.

После выпускной церемонии ученик обычно отрабатывал в мастерской наставника еще один год в качестве благодарности за учебу (это называлось *рэй хо:ко:*). После этого *ояката* вручал ему грамоту (*кансацу*), служившую лицензией на занятие ремеслом, и ученик получал официальное признание среди коллег. Однако войти в систему уже сложившихся связей и начать собственное дело молодому специалисту было практически невозможно. Многие тут же нанимались к своему учителю или его партнеру на условиях почасовой оплаты. Некоторые с согласия наставника отправлялись в другие районы, чтобы продолжить обучение у других мастеров с известными именами. Повторить путь своего наставника удавалось единицам.

Абсолютное большинство ремесленников жили в условиях постоянной нужды и бедности. Жесткие сословные рамки и традиция всю жизнь следовать по одному, раз и навсегда выбранному пути, не оставляли им надежд на перемены к лучшему. В большинстве своем это были очень бедные, преданные своей профессии люди, всю жизнь шлифовавшие мастерство и видевшие в этом ее главный смысл. Моральные ценности ремесленного сословия нашли свое отражение в пословицах и поговорках типа *сайку ва бимбо: хито-дакара* (мастерство — (единственное) богатство нищего). В первой половине Токугава абсолютное большинство ремесленников были безграмотными, однако в конце XVIII в. по мере распространения общинных школ число умеющих читать и

* Реализация известного триединства *исёкюдзю*: «одежда, еда, жильё».

** «Болезнь и травмы — за свой счет».

писать среди них стало постепенно расти. Как и другие низшие сословия, они ограничивались основами грамоты и моральными наставлениями⁵⁸.

Владение артистическим искусством считалось разновидностью ремесла, поэтому особых различий в учебе на ремесленника и учебе на артиста не было. Как и ремесленники, люди искусства делились на три категории: мастера (*ояката*), рядовые артисты (*гэйнин* или *хэйгэйнин*) и ученики (*тотэй*). Отношения между наставниками и учениками регулировались теми же принципами — обучение мастерству в обмен на бескорыстное служение учителю, хранение профессиональных секретов и преданность ремеслу. Одним из отличий являлось воспитание психологической устойчивости к хуле и поношению, которые всегда сопровождали артистов на пути к успеху.

В Японии издавна существовали наследственные артистические кланы *измото*, возникшие примерно в одно время с научными кланами *кагаку*, в период Хэйан⁵⁹. Большинство кланов специализировалось на традиционных видах, которые преподавались в столичном Управлении искусств и в домашних частных школах: музыкальном исполнительском мастерстве (*кото*, *сямисэн*), составлении букетов, чайной церемонии и песенно-танцевальном искусстве разных жанров. Каждый клан *измото* стоял во главе целого направления в искусстве и имел собственных последователей и учеников. В эпоху Токугава они разрослись, дав многочисленные побеги и ответвления. В XVI в. появились кукольные представления, которые давали артисты-кукловоды (*нингё:-дзукаи*), в мирное время публику развлекали дрессировщики обезьян (*сарунаваси*), сказители, певцы разных жанров (*ториои*, *эбису-ута* и т.д.), исполнители сценического жанра *кабуки* (*этиго-дзиси* и др.). В некоторых артистических домах составлялись заповеди-наставления для следующих поколений⁶⁰.

Огромное влияние на воспитание артистов оказало творческое наследие выдающегося представителя национального эстрадно-театрального жанра *саругаку* Дзэами (1363?—1443?)*. Главная работа, в которой изложены его представления о воспитании и обучении артистов *Фу:сикадэн* (Записи о становлении красоты)**, была написана в 1400 г. В ней автор говорит о трудностях постижения артистического ремесла и указывает на то, что обучать ему следует с семи до двадцати четырех — двадцати пяти лет. Только после 17—18 лет учебы артисту можно показываться на публике. В работе также содержатся конкретные рекомендации, как работать с учениками в течение всего срока обучения, разбитого автором на три возрастных периода⁶¹. Так же, как и мастера-ремесленники, артисты считали своё профессиональное занятие делом всей жизни.

Система ученичества *хо:ко*: распространялась не только на юношей, но и на девушек. Особенно часто отдавали дочерей на выучку в семьях горожан. Перед этим девочке нужно было дать образование, и чем больше надежд возлагалось на ученичество, тем качественнее это образование должно было быть. Простые семьи ограничивались начальной грамотой в общинной школе, а в средних и богатых семействах дочерям давали уроки музыки, *икэбаны*, чайной церемонии и пр. Крупные купцы и самураи среднего уровня стремились отправить своих дочерей в дома высокого ранга, а то и ко двору самого *сёгуна* (*годэн хо:ко*:). В отличие от Киото и Эдо в купеческой столице Осака самурайская элита не селилась, поэтому высшим достижением для девушек там считалось попасть в крупнейший торговый дом Ко:ноикэ, основанный еще в конце XVI в. Иногда на новое место барышни переезжали с целым караваном повозок, вместе с прислугой и домашним скарбом.

* Настоящее имя по рождению Гандзэ Мотокиё. Известны также его полное артистическое имя Дзэамидабуцу и посмертное буддийское имя Сию: Дзэмпо.

** Существует второе, широко известное, но неофициальное название работы — *Кадэнсё*.

Девочки из средних купеческих семейств направлялись на выучку в более крупные и преуспевающие, реже — в равные по рангу дома. Девушек отправляли в чужие семьи не с целью профессиональной подготовки, а для прохождения школы образцовой женской выучки (*сицукэ*), без которой, как считалось, невозможно удачно выйти замуж и войти в семью мужа. Это была своего рода проба на соответствие принципу «трех послушаний и семи пороков», определявших жизненную линию женщины в феодальном обществе. Зная по собственному опыту его тяжесть, матери стремились заранее подготовить дочерей к их будущей судьбе, вверяя для этого в чужие руки.

Ученичество для девушек обычно было недолгим — год или полгода. В Осака его называли словом *сиофуми* (хождение по соли), сравнивая ощущения во время учебы с посыпанием раны солью. В приемной семье девушек делили на ранги по происхождению, и в соответствии с этим они получали задания и работу. Самые богатые невесты из торгового сословия занимались музыкой, икэбаной и чайной церемонией. Их учили также контролировать работу прислуги и учеников, нормам речевого этикета и поведения. Девушек из семей рангом пониже обучали рукоделию и шитью, а дочерей мелких торговцев — кулинарии и ведению домашнего хозяйства. Главная цель обучения состояла в подготовке к замужеству и семейной жизни. При этом девушку старались научить именно тому, что с наибольшей вероятностью ожидало ее во взрослой жизни, исходя из ее социального статуса. Важнейшими нормами поведения девушки в приемной семье считались мягкость в обращении с женской прислугой и учениками, предупредительность по отношению ко всем мужчинам, независимо от их положения, немногословие и умение исправно вести хозяйство⁶².

В столице складывалась особая ситуация. В Эдо располагалось правительство и проживало множество высокопоставленных чиновников, поэтому все городские сословия ориентировались в первую очередь на них. Каждая семья стремилась заручиться согласием известной фамилии, но при этом соблюдался определенный уровень соответствия. Чем больше богатых нарядов было у девушки, тем выше шансы попасть в хороший дом.

¹ Ямага Соко: усматривал общественное назначение воинского сословия в том, чтобы служить образцом высокой морали и преданности, об этом см.: Marius B. Jansen, *The Making of Modern Japan*, Cambridge, Mass., 2000. P.203.

² Конта Ёдзо: Эдо-но хонъя-сан (Книгопечатники Эдо), Нихон хо:со: сюппан кё:кай, 1977. С. 24.

³ Кё:тоси. Кё:то-но рэкиси, 5. Сякай, бунка. (История Киото. Составлена муниципалитетом г. Киото, т. 5. Общество и культура). Хэйбонся, 1984. С. 656.

⁴ Такахаси Тосинори, Кинсэй гакко: кё:ику-но гэнрю: (Истоки школьного обучения в новое время). Нихон сюппан хайкю:, 1943. С. 203—204.

⁵ The Cambridge History of Japan, v.4. Early Modern Japan. Cambridge University Press, 1991. P. 726.

⁶ Мунэсава Исао, Кинсэй кё:то сюппан бунка-но кэнкю: (Исследования по культуре книгоиздания в Киото в новое время). До:бо:ся, 1982. С. 11, 105.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Подробнее о биографиях и взглядах ученых см.: Исидо Кадзүэси. Фудзивара Сэйка, Хаяси Радзан — Нихон сисо: тайкэй 28 (Фудзивара Сэйка и Хаяси Радзан. — Серия «Общественная мысль в Японии», т. 28), Иванами сётэн, 1975; О:но Идзуру, Нихон-но кинсэй то ро:со: сисо: — Хаяси Радзан-но сисо: о мэгуттэ (Япония в новое время и философия Лао Цзы и Чжуан Цзы — к вопросу о взглядах Хаяси Радзан). Пэриканся. 1997.

⁹ Касаи Сукэхару, Кинсэй гакко: ни окэру гакуто: гакуха-но кэнкю: 1(Идеология обучения и научные направления в княжеских школах в новое время, т.1), Ёсикава ко:бункан, 1969. С. 4.

¹⁰ Ryusaku Tsunoda, Wm. Theodore de Bary, Donald Keene. *Sources of the Japanese Tradition*, New York, Columbia University Press, 1958, p. 194—196, 335—338; *The Cambridge History of Japan*, vol. 4. Early Modern Japan, Cambridge University Press, 1991. P. 715—716.

¹¹ Комория Матико, Тю:сэй-но кё:кун то соно тэнкай — Ко:дза нихон кё:икуси. Гэнси, кодай, тю:сэй 1 (Моральные наставления в раннем средневековье и их развитие. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков), Дайити хо:ки сюппан, 1984. С. 309.

- ¹² Такахаси Тосинори, Кинсэй гакко: кё:ику-но гэнрю: (Истоки школьного обучения в новое время), Нихон сюппан хайкю:, 1943. С. 183—184.
- ¹³ The Cambridge History of Japan, v.3. Medieval Japan. Cambridge University Press, 1991. P. 461—462.
- ¹⁴ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 247.
- ¹⁵ В частности, упоминание о нем содержится в *Гэндзи моногатари*. См.: Сибукава Хисако, Хэйан кидзоку-но дзёси кё:ику. — Ко:дза нихон кё:икуси 1. Гэнси, кодай, тю:сэй (Женское образование в среде хэйанской аристократии. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков.), Дайити хо:ки сюппан, 1984. С.126.
- ¹⁶ Каванобэ Сатоси, Сасаки Хироаки и др. Дзёси кё:икуси — Сэкай кё:икуси тайкэй 34 (История женского образования. — Серия «История мирового образования», т. 34) под ред. Умэнэ Сатору, Ко:данся, 1977. С. 206.
- ¹⁷ Там же. С. 206.
- ¹⁸ Исикава Мацутаро:, О:раймоно-но сэйрицу то тэнкай (Становление и развитие учебников *о:раймоно*), Омацудо: сюппан, 1988. С. 194.
- ¹⁹ Каванобэ Сатоси, Сасаки Хироаки и др. Дзёси кё:икуси — Сэкай кё:икуси тайкэй 34 (История женского образования. — Серия «История мирового образования», т. 34) под ред. Умэнэ Сатору, Ко:данся, 1977. С. 209.
- ²⁰ *Онна дайгаку* (Большое учение для женщин) — Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования, т.9), сост. Курокава Мамити, [1911] 1977, Сэйсинся. С. 133—138.
- ²¹ Известность получили работы Дои Ко:ка *Кинсэй онна дайгаку* (*Онна дайгаку* для нового времени, 1874) и *Буммэйрон онна дайгаку* (*Онна дайгаку* в эпоху просвещения, 1876), книга Фукудзава Юкити *Онна дайгаку хё:рон — Син-онна дайгаку* (Критика *Большого учения для женщин* и новое *Большое учение*, 1899). См. Исикава Мацутаро:, О:раймоно-но сэйрицу то тэнкай (Становление и развитие учебников *о:раймоно*), Омацудо: сюппан, 1988. С. 194—195).
- ²² *Онна дзицзугокё:* (*Учение об истинном для женщин*) — Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, [1911] 1977, (репринтное издание), Сэйсинся. С. 118—129; *Онна ронго* (*Беседы и суждения для женщин*). Там же. С. 159—167; *Онна тэйкин о:рай* (*Тэйкин о:рай для женщин*). Там же. С. 568—88.
- ²³ Такано Сюн, Тэракоя. — Кё:ику-но гэнрю: (Общинные школы // Истоки японского образования), Дайити хо:ки сюппан, 1984. С. 75.
- ²⁴ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 247.
- ²⁵ Нихон кё:икуси 1. — Сэкай кё:икуси тайкэй 1, Умэнэ Сатору кансю: (История японского образования, ч.1. — Серия «История мирового образования», т.1, под ред. Умэнэ Сатору), Ко:данся, 1976. С. 252.
- ²⁶ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 253.
- ²⁷ Исикава Мацутаро:, Наоэ Ко:дзи, Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон-но кодомо-но рёкиси (Дети воинского и простых сословий. — Детская история в Японии), Дайити хо:ки, 1977. С. 74; см. также Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 258.
- ²⁸ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 256.
- ²⁹ *Онна сё:соку о:рай* (*Сё:соку о:рай для женщин*) — Нихон кё:ику бунко, Курокава Мамити сики 9 (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, [1911] 1977, Сэйсинся. С. 564—567.
- ³⁰ *Дзёси тэнраидзё:* (Пособие письму для женщин) — Нихон кё:ику бунко, Курокава Мамити сики 9 (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, [1911] 1977, Сэйсинся. С. 4, 180—181.
- ³¹ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 257.
- ³² Школы в княжествах Сано (территория современной префектуры Тотиги), Тоттори, Ивакуни (префектура Ямагути), Ко:ти, Садовара (преф. Миядзаки), Идзуси и Тоёока (преф. Симанэ). См.: Каванобэ Сатоси, Сасаки Хироаки и др. Дзёси кё:икуси — Сэкай кё:икуси тайкэй 34 (История женского образования. — Серия «История мирового образования», т. 34) под ред. Умэнэ Сатору, Ко:данся, 1977. С. 214.
- ³³ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сюппан, 1988. С. 263.

- ³⁴ Там же. С. 276.
- ³⁵ Там же. С. 280.
- ³⁶ Там же. С. 277.
- ³⁷ Там же. С. 278.
- ³⁸ Подробнее о литературной деятельности Мотоори Норинага и его научной школе см.: Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага и «школа национальных наук» // Из истории общественной мысли Японии XVII—XIX вв. М., 1990. С. 73—97.
- ³⁹ Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время), Сибункаку сёппан, 1988. С. 280, 290.
- ⁴⁰ Тадзима Хадзимэ, Кинсэй сякай-но кадзоку то кё:ику — Ко:дза нихон кё:икуси 1. Гэнси, кодай, тю:сэй (Семья и воспитание в обществе нового времени. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков.), Дайити хо:ки сёппан, 1984. С. 23—26.
- ⁴¹ Ёмиури симбун, 17 февр. 2001 г.
- ⁴² Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 3 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 3), Дайити хо:ки, 1978. С. 14.
- ⁴³ Предписание содержится в написанном в середине XI в. наставлении *То:дзан о:рай*. См.: Нихон кё:икуси 1. — Сэкай кё:икуси тайкэй 1, Умэнэ Саторю кансю: (История японского образования, ч.1. — Серия «История мирового образования», т.1, под ред. Умэнэ Саторю), Ко:данся, 1976. С. 67.
- ⁴⁴ Нихон кё:икуси 1. — Сэкай кё:икуси тайкэй 1, Умэнэ Саторю кансю: (История японского образования, ч.1. — Серия «История мирового образования», т.1, под ред. Умэнэ Саторю), Ко:данся, 1976. С. 65—69.
- ⁴⁵ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко., — Нихон кодомо-но рэкиси, 3 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 3), Дайити хо:ки, 1978. С. 18.
- ⁴⁶ Там же. С. 48.
- ⁴⁷ Там же. С. 21—24.
- ⁴⁸ Там же. С. 44.
- ⁴⁹ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 65.
- ⁵⁰ Такахаси Тосинори, Нихон кё:ику бункаси (История японского образования и культуры), До:бун сёин, 1933. С. 476—477.
- ⁵¹ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 66—67.
- ⁵² Карасава Томитаро:, Нихон кё:икуси. Киндай идзэн. (История японского образования до нового времени), Сэйбундо: синко:ся, 1968. С.166—167.
- ⁵³ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 68—69.
- ⁵⁴ Там же. С. 71.
- ⁵⁵ Карасава Томитаро:, Нихон кё:икуси. Киндай идзэн. (История японского образования до нового времени), Сэйбундо: синко:ся, 1968. С. 169—170.
- ⁵⁶ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 78—79. О наставничестве см. также: Карасава Томитаро:, Нихон кё:икуси. Киндай идзэн. (История японского образования до нового времени), Сэйбундо: синко:ся, 1968. С. 171—176.
- ⁵⁷ Там же. С. 80.
- ⁵⁸ Там же. С. 82—82.
- ⁵⁹ Курода Тосио, Нихон тю:сэй-но бунка то сю:кё: (Японская культура и религия в средние века), Иванами сётэн, 1990. С. 265—278.
- ⁶⁰ Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 113—129.
- ⁶¹ Като: Нихэй, Синнихон кё:икуси. Дзо:хо (Новая история японского образования. Дополненное издание), Кё:до: сёппан, 1973. С. 69—71.
- ⁶² Исикава Мацутаро:, Наоэ Хиродзи. Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон кодомо-но рэкиси, 4 (Дети самурайского и простых сословий, ч. 1.— Детская история в Японии, т. 4), Дайити хо:ки, 1978. С. 75.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

1. Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага и «школа национальных наук» // Из истории общественной мысли Японии XVII—XIX вв. М., 1990.

На японском языке

2. *Дзэси тэнараидзё*: (Пособие письму для женщин) — Нихон кё:ику бунко, Курокава Мамити сики 9 (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, Сэйсинся, [1911] 1977.
3. Ёмиури симбун. 2001. 17 февр.
4. Исида Кадзүэси. Фудзивара Сэйка, Хаяси Радзан — Нихон сисо: тайкэй 28 (Фудзивара Сэйка и Хаяси Радзан. — Серия «Общественная мысль в Японии», т. 28), Иванами сётэн, 1975.
5. Исикава Мацутаро:, О:раймоно-но сэйрицу то тэнкай (Становление и развитие учебников *о:раймоно*), Омацудо: сюппан, 1988.
6. Исикава Мацутаро:, Наоё Кодзи, Буси-но ко, сё:мин-но ко. — Нихон-но кодомо-но рэкиси (Дети воинского и простых сословий. — Детская история в Японии), Дайити хо:ки, 1977.
7. Каванобэ Сатоси, Сасаки Хироаки и др., Дзёси кё:икуси — Сэкай кё:икуси тайкэй 34 (История женского образования. — Серия «История мирового образования», т. 34) под ред. Умэнэ Сатору, Коданся, 1977.
8. Карасава Томитаро:, Нихон кё:икуси. Киндай идзэн. (История японского образования до нового времени), Сэйбундо: синко:ся, 1968.
9. Касаи Сукэхару, Кинсэй гакко: ни окэру гакуто: гакуха-но кэнкю: 1 (Идеология обучения и научные направления в княжеских школах в новое время, т.1), Ёсикава ко:бункан, 1969.
10. Като: Нихэй, Синнихон кё:икуси. Дзо:хо (Новая история японского образования. Дополненное издание), Кё:до: сюппан, 1973.
11. Кё:тоси. Кё:то-но рэкиси, 5. Сякай, бунка. (История Киото. Составлена муниципалитетом г. Киото, т. 5. Общество и культура), Хэйбонся, 1984.
12. Комория Матико, Тю:сэй-но кё:кун то соно тэнкай — Кодза нихон кё:икуси. Гэнси, кодай, тю:сэй 1 (Моральные наставления в раннем средневековье и их развитие. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков), Дайити хо:ки сюппан, 1984.
13. Конта Ё:дзо:. Эдо-но хонъя-сан (Книгопечатники Эдо), Нихон хо:со: сюппан кё:кай, 1977.
14. Курода Тосио, Нихон тю:сэй-но бунка то сю:кё: (Японская культура и религия в средние века), Иванами сётэн, 1990.
15. Мунэсава Исао, Кинсэй кё:то сюппан бунка-но кэнкю: (Исследования по культуре книгоиздания в Киото в новое время), До:бо:ся, 1982.
16. Нихон кё:икуси 1. — Сэкай кё:икуси тайкэй 1, Умэнэ Саторю кансю: (История японского образования, ч.1. — Серия «История мирового образования», т.1, под ред. Умэнэ Сатору), Коданся, 1976.
17. *Онна дайгаку* (Большое учение для женщин) — Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования, т. 9), сост. Курокава Мамити, Сэйсинся, [1911] 1977.
18. *Онна дзицугокё:* (Учение об истинном для женщин) — Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, Сэйсинся, [1911] 1977.
19. *Онна ронго* (Беседы и суждения для женщин), Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, Сэйсинся, [1911] 1977.
20. *Онна сё:соку о:рай* (Сё:соку о:рай для женщин) — Нихон кё:ику бунко, Курокава Мамити сики 9 (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, Сэйсинся, [1911] 1977.
21. *Онна тэйкин о:рай* (Тэйкин о:рай для женщин), Нихон кё:ику бунко 9, Курокава Мамити сики (Библиотека японского образования), сост. Курокава Мамити, т. 9, Сэйсинся, [1911] 1977.
22. Оно Идзуру, Нихон-но кинсэй то ро:со: сисо: — Хаяси Радзан-но сисо: о мэгуттэ (Япония в новое время и философия Лао Цзы и Чжуан Цзы — к вопросу о взглядах Хаяси Радзан), Пэриканся, 1997.
23. Сибукава Хисако, Хэйан кидзоку-но дзёси кё:ику. — Кодза нихон кё:икуси 1. Гэнси, кодай, тю:сэй (Женское образование в среде хэйанской аристократии. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков), Дайити хо:ки сюппан, 1984.
24. Тадзима Хадзимэ, Кинсэй сякай-но кадзоку то кё:ику — Кодза нихон кё:икуси 1. Гэнси, кодай, тю:сэй (Семья и воспитание в обществе нового времени. — Серия «История японского образования», т.1. С древнейших времен до средних веков), Дайити хо:ки сюппан, 1984.
25. Такано Сюн, Тэракоя. — Кё:ику-но гэнрю: (Общинные школы // Истоки японского образования). Дайити хо:ки сюппан, 1984.

26. Такахаси Тосинори, Кинсэй гакко: кё:ику-но гэнрю: (Истоки школьного обучения в новое время). Нихон сюппан хайкю:, 1943.
27. Такахаси Тосинори, Нихон кё:ику бункаси (История японского образования и культуры). До:бун сёин, 1933.
28. Умихара То:ру, Кинсэй-но гакко: то кё:ику (Школа и образование в новое время). Сибунка-ку сюппан, 1988.

На английском языке

29. Marius B. Jansen, The Making of Modern Japan, Cambridge, Mass., 2000.
30. Ryusaku Tsunoda, Wm. Theodore de Bary, Donald Keene. Sources of the Japanese Tradition, New York, Columbia University Press, 1958.
31. The Cambridge History of Japan, vol. 4. Early Modern Japan, Cambridge University Press, 1991.
32. The Cambridge History of Japan, v.3. Medieval Japan. Cambridge University Press, 1991.

SUMMARY. The article written by Professor Alexander Prasol is dealing with problems of home teaching in the early Tokugawa Period. At those times most of children of *bushi* («warrior») were educated at home by tutors, in small groups by a Buddhist monk, or by a samurai. The education of a samurai's male children included the martial arts, reading Chinese and Japanese and learning the social skills expected of a gentlemen. For the early part of the Tokugawa Period education was entirely a matter of personal contract between an individual teacher and his pupil. Although central government *bakufu* prompted fief rulers to open special schools for samurai class, only exceptional *daimyo* took the idea seriously enough to spend money on building schools. Most of the fief schools were established in the 18th and 19th centuries. These schools usually restricted entrance to the sons of the ruling class. In the most of fief schools leadership was in the hands of Confucian scholars. Instruction was seldom stimulating, and concentrated on learning to read Chinese texts. Learning of Chinese scholar *Chu Hsi* (Neo-Confucianism) took central place in the teaching of Chinese classics.

The education of the non-samurai masses was developing largely in response to an effective economic demand and served practical needs. The usual name for the commoner's school was *terakoya* (literally «house for the children of the temple»). This word reflects the fact, that from the 14th to 16th centuries the Buddhist temples were virtually the only centers for formal education. Most *terakoya* had one teacher and consisted of one classroom and simple writing and reading practice was the main focus of education. Moral education also played a very important role in the process of training students.

Private schools founded by the excellent Confucian scholars also played great role just as in the Heian Period. Most of them were the creation of an individual, often a rather charismatic scholar who inspired his young students with the ideas of perseverance and managed to instill a sense of discipleship and loyalty. Among the most famous were schools of Kaibara Ekiken, Ito Jinsai, Nakae Toju and Hirose Tanso.

In Tokugawa society the family was an economic enterprise and from birth children became apprentices of the family trade. Some families fared better than others and absorbed, as indentured apprentices, the younger sons of other families. Hence in the families of merchants, artisans and artists developed a regular institutionalization of apprenticeship as a system of practical training. The most prominent features of this system are described in the paper presented by Alexander F. Prasol.

Until the late Tokugawa Period the family education was virtually the only educational form available for women. The most significant components of this education such as women's ethics, literacy and housekeeping skills are also described in the paper.